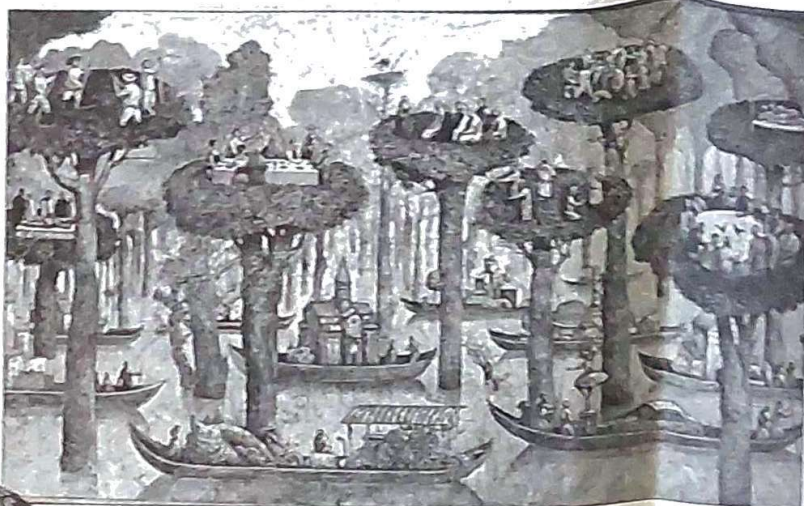
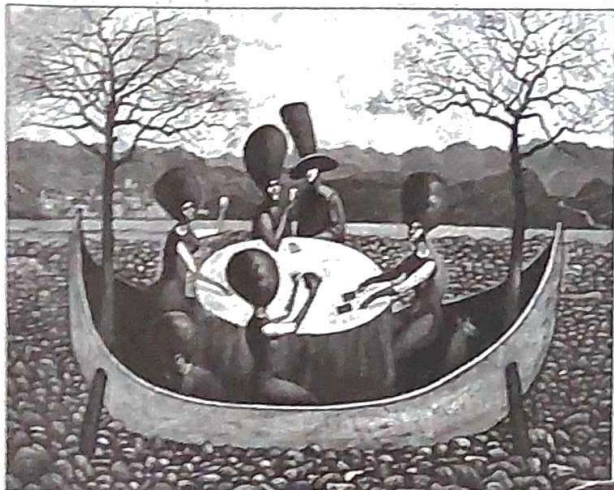

В галерее "АРК" завершается выставка живописи и графики Вячеслава Луй-Ко. Многозначителен его автопортрет с символическими вселенскими часами, стрелки которых во власти художника. Он смещает, соотносит, смешивает эпохи и эпизоды жизни человечества и отражает эти композиции в холстах и листах, вовлекая зрителей в свои нескончаемые диалоги вне времени.

Диалоги вне времени

В ВЫСТАВОЧНЫХ ЗАЛАХ

Вячеслав, ваши выставки происходят едва ли не ежегодно. Ваш творческий потенциал столь неуемен? Или это дает вам возможность прагматично и динамично реализовывать и себя, и свои работы?

- Я безвылазно пишу. Таков мой образ жизни. Дома у меня свой мир из интересных мне книг и предметов. Мои работы рождаются из этого мира. Я пишу не вещь за вещью, а параллельно. В год появляются сразу 20-30. Все они (и на данной выставке тоже) - это, в принципе, одно произведение. Просто разбужденное на составные части.

- Но будет ли такая мозаика отвечать запросам и пониманию зрителя?

Когда ваш калейдоскоп рассыплется по частным собраниям, исчезнет общее и целостное представление. Не погибнет ли общий замысел?

- Во мне-то эта целостность сохранится. Творчество для меня - непрерывный процесс. Он важен результат. Я никогда не делаю эскизов. Рисую на полотнах выполняю сразу кисточкой. Потому что мне становится скучно, если я все знаю заранее. И я оставляю себе колоссальное поле для импровизации. Все самое интересное происходит, пока я пишу. Поэтому свои работы мне не жалко отдавать. Я прошелся по выставке, оглядел, как все выстроено, и понял: вперед и дальше! Иногда меня просят повторить вещь, но я не делаю копий.

- Однако вас могут заподозрить в стилизации под холсты классиков.

- Я у них учусь. В основном у художников Северного Возрождения. Но это не копирование. В своих работах я беседую: с самим собой. С разными авторами, которых я читаю. Со старыми мастерами. Мне нравятся их метод, их увлеченность темой. Этому я и следую. Для меня больше важен сюжет, нежели живопись сама по себе. Искушенный зритель фокусирует внимание на технике, цветовом решении. Мне же это не так интересно. Я и беру-то всего две-три краски. Меня порой обвиняют: это не живопись, а раскрашенная графика! А мне все равно что это. Меня интересуют извечные темы, волновавшие художников еще 500 лет назад. У меня, например, даже названия многих работ одни и те же из года в год.

- Но некий зритель может приобрести вашу вещь и потому, что она ему напоминает Босха, Брейгеля или Карнаха. Но где здесь вы?

- Переиначу Лермонтова. "Нет, я не Брейгель. Я другой". И композиции иные, и стиль. К темам, к которым обращались классики, я подхожу совершенно по-другому. Мир изменился. Хотя мне кто-то говорил: то, что я делаю, - несколько несовременно. Но как я могу быть несовременным?

Я живу в XXI веке. И это мои собственные размышления об общечеловеческом. Вот, например, работа "Безумный корабль".

- Прямая переключка с Босхом (1490 г.).

- Да, но у Босха - "Корабль дураков". У меня же - "Безумный корабль". У Босха - пороки человеческие. У меня этого нет. Все мы там, на этом корабле, - аморальные и талантливые, добрые и злые. Всякие. Мой корабль - это, скорее, "Ковчег". Так что тема одна, но раскрываем мы ее по-разному. Я не претендую на то, что мой подход лучше. Он другой. И когда вы спрашиваете, где же я, я отвечаю: вот где я.

- А где вы - в вашем "Искушении святого Антония"? Антоний придал святость монашеству, прожив 20 лет в пещере на берегу Нила.

- Честно скажу: я назвал моего отшельника Антонием, потому что уж больно имя хорошо звучит. Там мог бы быть любой святой. И даже не святой. А любой из нас. Ибо искушение вещами, которые там изображены (теми же компьютерами), - это цивилизационные искушения для всех. Мы их можем принимать как нечто способное помочь нам себя развить, дать благо. Или уничтожить. Я иллюстрирую всечеловеческие заблуждения.

- Ваш Антоний плывет не по Нилу, а по Желтой реке (Хуанхэ).

- Идея такая. У старых мастеров (у того же Босха или Грюневальда) искушение представлено чем? Страстями человеческими, материальным миром. Реалии, окружающие Антония, церковь трактует как земные пороки, отвлекающие человека от жизни его духа. Я своего Антония поместил в лодку и пустил по Желтой реке, ибо для китайских философов все эти вещи отнюдь не пороки. Если в сознании европейцев дракон олицетворяет жестокость, чуму и смерть, то дракон, всплывающий из вод Хуанхэ, - это китайский символ мудрости и знания. Я попытался свести цивилизации Востока и Европы. Надо искать точки их соприкосновения, дабы понять, кто мы. Не в географическом плане, а духовно.

- Один из ваших графических листов посвящен Будде: множество Будд под зонтиками.

- Это древнеиндийский сюжет. Будда преодолел равнину, и с различных небес боги кинули ему зонтики от солнца. Не желая никого обидеть, Будда почтительно умножил их, и каждый из богов видел его под своим зонтом. Я не национальный художник в этническом смысле. И не принадлежу ни к какой конфессии. Я свободен. И вправе рассматривать любые проблемы как мне угодно. Все мои персонажи - это колоссальный божественный театр. А мое письмо - личный способ постижения мира. Поэтому ни должно такие термины, как "метод". Кисточка - как перо. Представляется точным взгляд организатора выставки искусствоведа Елизаветы Малиновской: "Полотно Вячеслава Луй-Ко - прорыв в пространственно-временной ткани, где прошлое и будущее взаимопроницают перед ошеломленным ликом настоящего".

Сергей ИСАЕВ.
КРУГОВОЙ.